

21 АПР 1970

ПОМНЮ два года назад в миланском отеле разговор с портье. У меня в руках московский номер «Огонька» с фотографией на обложке из премьеры «Оптимистической» в Большом. Собеседник недоумевает. Нет, нет, он никак не может поверить, такая «белла донна», и вдруг эта женщина в кожанке и с кобурой у пояса! Как было объяснить ему, что «комиссара в кожанке» сделало революционное время, которое всколыхнуло сердца, разбудило умы и заставило сотни людей, подобно Ларисе Рейснер, людей, порой из «чужого класса», порвав с привычным укладом, уйти в революцию. Как объяснить, что близок мне и понятен внутренний мир этой женщины, ее принципиальность, честность, преданность революции, ленинским идеалам.

Ирина**АРХИПОВА:****И ЗОВУТ****КОМИССАРОМ...**

Давно не носят кожанок, нет рубленой, в духе беспрекословных приказаний речи, нет сурового аскетизма под стать тем суровым дням... Неужто и образ комиссара так и останется в тех далеких от нас годах? И, словно подчеркивая именно эту принадлежность к первым дням революции, звучит в «Оптимистической трагедии» Холминова песенный язык того же времени — и песни, которые помнит старшее поколение. А Лариса? Встречаясь с ней на сцене, разве мы только отдаем дань памяти тем незабываемым дням? О чем говорит она и сегодня, обращаясь в зрительный зал, о чем заставляет задуматься? О том, что мы бываем сегодня порой эгоистичны, что, ссылаясь на ритмы века, занятые собой, иногда забываем о других. О принципиальности, о честности и бескорыстии напоминает. И о романтике, если хотите. И о неуемном, воздесущем характере, которого на всех и на вся хватает.

Вот мне и кажется, что шагает моя Лариса-комиссар сегодня где-то совсем рядом с нами.